

III

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НОВОГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХ СОЧИНЕНИЙ»

(По поводу статей о «Сельском хозяине»)

К числу самых отрадных явлений последнего времени бесспорно принадлежат журнальные статьи о «Сельском хозяине». Все наши публицисты в справедливом восторге от столь радостного факта. По мнению их, статьи о «Сельском хозяине» должны истинно радовать сердце всякого человека, истинно любящего прогресс родной литературы*. В статьях гг. *Левашова,*

65

Богданова, Кокорева, Байкова поднят вопрос новый, незнакомый нам до сих пор, вопрос о деле, только еще начинающемся в нашем любезном отечестве. И при всем том — как пишут!.. Какая смелость, какое благородство выражений! Какое достоинство тона! Действительно, сердце каждого русского, любящего литературу своего отечества, не может не ощутить радостного трепета при чтении подобных статей! Мы считаем своим долгом занести их в «Свисток», чтоб сохранить для будущих веков* образчики образцовых сочинений нашего времени...

* Просим заметить, что здесь, как и везде, мы рассматриваем предмет исключительно с литературной, даже правильнее — с беллетристической точки, так как она гораздо светлее. Мы — спокойные литераторы, не государственные люди, не акционеры, не деятели практической жизни. Нам нет дела до того, что потеряют акционеры общества «Сельский хозяин»; мы не хотим вмешиваться в эти мелочные дразги, которые могут только испортить пищеварение. Наше дело — литература, живое слово, и более ничего; нас одушевляет любовь к прекрасному³⁵, и во имя этой-то любви мы восхищаемся указанными статьями.

* Исчислено, что «Свисток» будет долговечнее всех газет и журналов.

Впрочем, чтоб оценить вполне достоинство статей о «Сельском хозяине», нужно рассказать все дело для читателей, подобно нам не знакомых с акционерной деятельностью нашего отечества. Мы возьмем сведения из обстоятельной статьи об этом предмете, напечатанной г. Серно–Соловьевичем. Эта статья, равно как и заметка г. Ахшарумова в № 211 «СПб. ведомостей», суха и вообще не очень замечательна, хотя и она по местам блестит красотами карамзинского слога. Но делать нечего — для ознакомления с делом придется обратиться и к такой статье.

Общество «Сельский хозяин» учреждено в 1857 году гг. *Кокоревым, Бенардаки, Байковым, Фон–Дезеном и Шолле*. Программа деятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла в приготовлении из мяса консервов и торговле ими с Франциею. Дело обещало большие выгоды, и акции быстро разобраны, с премиею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собрание, в котором выбраны в члены главного правления гг. *Байков, Фон–Дезен, Алфераки, Скараманга, Шолле и Делессер* и положено, по убеждениям г. *Байкова*, перевести правление общества в Таганрог.

Постановление это было исполнено не ранее 1858 г., а между тем заседания главного правления происходили в Петербурге, где из шести членов находились только гг. *Байков и Фон–Дезен*.

В это время образован личный состав управления, причем сделаны условия, весьма стеснительные для общества. Так, например, г. *Кинг*, управляющий главною конторою, приглашен на 6 лет, с платою ему 6000 р. с. в год и 3% с чистой прибыли; в случае его смерти наследники его получают полугодовое жалованье и 1% прибыли; если он оставит службу общества, то ему

5 лет выдается 1% прибыли; если общество откажет ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срок контракта.

В это же время сделан план действий, признанный потом негодным. В это же время куплена привилегия Фастье на приготовление консервов — за 20000 р. с., с ежегодною платою сверх того в течение 12 лет по 1000 р. с. К чему она послужила, до сих пор неизвестно.

Вообще до составления нового правления в Таганроге денег было издержано 154 т. р. сер., да г-м *Шолле* во Франции было израсходовано 165650 франков — без всякой предварительной сметы.

21 января 1858 г. было новое общее собрание акционеров. Здесь было вытребовано — на постройку ростовских фабрик с принадлежностями 400000 р. с., на покупку и корм скота — 400000 р. с., на издержки фабрикации

66

и управления — 100000 р. с. Подробных смет не было и даже не сказано было, на какой срок испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управление. Но тем не менее общее собрание акционеров беспрекословно утвердило все требуемые расходы.

В этом же собрании представлено было о разделении управления между тремя директорами-распорядителями. Составили особый комитет из акционеров и выбрали во Франции г. *Шолле* с вознаграждением 1% с товаров, проданных за границей, а в России — гг. *Байкова* и *Фон-Дезена*, с жалованьем 6000 р. с. в год. Впрочем впоследствии оказалось, что

гг. *Байков* и *Фон–Дезен* брали свое жалованье уже с октября 1857 г.

В том же комитете был предложен директорами вопрос о разрешении употреблять свободные суммы общества на посторонние обороты, но комитет не разрешил этого. Несмотря на то, впрочем, г. *Байкову* выдано было 42000 р. с. ссуды из кассы общества, под залог его акций того же общества, хотя г. *Байков*, вместе с г. *Фон–Дезеном* не оплатили своих акций вторым износом. Мало того — 22000 из выданных денег, до недавнего обозрения петербургским правлением кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостаток в деньгах.

По переводе правления в Таганрог главными деятелями остались опять гг. *Байков* и *Фон–Дезен*: первому поручена главная контора и вся текущая часть по действиям и оборотам общества; второму — заведывание постройкою ростовских фабрик и покупкою скота. Действия их были не совсем удовлетворительны, как показали последствия: заготавливаемый скот был плох и дорог; издержки управления были так велики, что когда потом потребовали сокращения расходов, то сам г. *Байков* нашел, что можно их *сократить, без всякого неудобства*, на 30000 р. с.! За границей содержали нескольких агентов с платой им 3000 р. с. в год, а дел еще никаких не было; на юге России арендовались степи, которые по ненужности надо было потом сдавать в третьи руки, покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить о постройке мельницы; нанимались лавки и магазины для товаров, которых еще не существовало!..

17 июня 1858 г. было чрезвычайное общее собрание акционеров для рассуждений о постройке мукомольной мельницы в Таганроге. Постройка мельницы была,

впрочем, и без общего собрания решена еще в апреле месяце, и к постройке ее уже приглашен был, по рекомендации г. *Кинга*, г. *Штетцер*, хотя он, как впоследствии оказалось, не имел никакого понятия о деле. Таким образом разрешение общего собрания акционеров было не более, как одною формальностью.

Впрочем, в половине прошлого года уже носились слухи, весьма неблагоприятные для правления общества. Поэтому собрание 17 июня началось тем, что г. *Байков* прочел весьма красноречивое опровержение слухов, распускаемых недоброжелателями общества. Акционеры, по-видимому, убедились — тем более, что свое красноречивое опровержение г. *Байков* заключил обещанием, что факты сами будут говорить за себя.

И действительно, акционерам представлена записка, из которой оказывалось, что по сметам, составленным вновь и уже *окончательно*, ростовские фабрики будут стоить не 400, а только 260 тысяч р. с. К этому прибавлялось

67

еще, что цены в сметах с намерением выставлены самые высокие, так что можно поручиться за 20% экономии с суммы 130000 р. с., назначенных собственно на постройку. Сверх того, в этой же смете включены еще 15000 на непредвиденные издержки. Словом, в общем собрании 17 июня акционеры внезапно, против всякого чаяния, приобретали 180000 р. с. на одной постройке ростовских фабрик!.. А между тем от фабрик этих обещали им еще 20% чистой прибыли!..

Затем требовалось на постройку мельницы 330000 р. с. Представлено было, что чистая прибыль от нее, при 12—

тичасовой работе, должна простираться до 21%, а при 20-тичасовой — до 28%. Возможно ли было не увлечься такой перспективою? Акционеры и увлеклись действительно: все требуемые расходы были утверждены.

Мало того: красноречивые доводы г. *Байкова* были так убедительны, что с этого времени вся власть по управлению делами переходит в руки г. *Байкова*. Сначала, под предлогом отсутствия некоторых членов, прекратили еженедельные заседания и *поручили ведение текущих дел г. Байкову* и главной конторе под его непосредственной ответственностью, а в непредвиденных случаях разрешили г. *Байкову действовать именем главного правления*; затем, в видах устройства кассы и отчетности на коммерческом основании, главное правление положило *не поверять кассы, а предоставить это директору-распорядителю*. Наконец, главным правлением признано, что разделение занятий между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяет единство управления и подчиняет его личным, иногда несогласным между собою взглядам каждого директора. Вследствие того и положено: сосредоточить все дела в лице одного директора-распорядителя, которому правление *передает все права свои* и поэтому предоставляет: подписывать бумаги и денежные документы, заведывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условия, надзирать за работами и постройками, заведывать личным составом служащих, входить во внутреннее управление отдельными учреждениями общества, распоряжаться всеми действиями и операциями, *подписывать все бумаги именем правления*; последнее право предоставлено и г. *Кингу*.

Все это было решено без общего собрания, т. е. без ведома большинства акционеров. Поэтому положено было представить обо всем этом будущему общему собранию, а до тех пор *возложить все вышеуказанные права и обязанности на г. Байкова.*

Самому же г. Байкову поручен и доклад отчета общему собранию, вследствие чего он уехал в Петербург, а права его все переданы г. *Кингу.*

Г. *Фон-Дезен* тоже уехал в это время в Петербург, не исполнив данных ему на юге поручений относительно заготовления скота.

Новое общее собрание акционеров было 25 января 1859 г. На этот раз г. *Байков* должен был сознаться в некоторых ошибках, совершенных *по неопытности*; но вообще уверял, что дела идут отлично. Управление на юге, по его словам, было образцовое, состав служащих — превосходный, надежды в будущем — самые блестящие... Не ограничиваясь словами, он представлял факты: удостоверял, что из находящегося у общества в наличности скота будет товару на 200000 р. с., и для полнейшего подтверждения своих

уверений указывал акционерам на предварительно розданный им толстейший отчет, из которого, однако, ничего нельзя было понять.

Обаяние г. *Байкова* на всех акционеров было так неотразимо, что они и тут готовы были во всем предаться на волю его. Но их несколько озадачило то, что акции общества сильно упали, дивиденд не был выдан, и между тем требовались новые ассигновки.

Вследствие таких сильных фактов общее собрание решилось *в первый раз* изъявить некоторое несогласие с предложениями главного правления. Положено было: перевести правление из Таганрога в Петербург, избрать 10 почетных членов для ревизии кассы и книг и для окончательного разрешения всех вопросов, подлежащих общему собранию; поручить правлению обратить особое внимание на скорейшее окончание фабрики и мельницы; позаботиться о сокращении издержек и привести в известность текущие расходы.

Эти вежливые меры показались, однако, самим акционерам верхом дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои действия, чтобы не показать вида недоверия. Таким образом правлению торжественно *принесет благодарность* за откровенное изложение дела: в число почетных членов избран г. *Кокорев*, один из учредителей общества, действовавший в отношении к правлению — как ниже увидим; г. *Байков*, по очереди выбывший из директоров, *избран снова* — на что он и указывал впоследствии как на заслугу свою...

В Петербурге состав правления был уже другой: гг. *Скараманга*, *Война* и *Алфераки* отказались от своих должностей по переводе правления из Таганрога, и вместо них вступили гг. *Якобсон*, *Трубников* и *Золотарев*. Гг. *Байков* и *Фон-Дезен* остались членами по-прежнему, и таким образом, по смыслу последних поручений правлению от общего собрания, получали вновь то лестное право, которым г. *Байков* и прежде пользовался, — право *ревизовать самих себя*.

Однако же теперь г. *Байков* был уже не один, и потому надо было привести отчетность в такое положение, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для других. Но это оказалось чрезвычайно

трудным, потому что ход дела был крайне запутан и единственными материалами для соображений были книги — прихода, расхода и баланса, представленные г. *Байковым* и неподписанные членами правления. По закону и уставу общества, такие книги не могли быть приняты в соображение, и хотя г. *Байков* объяснил, что главное правление передало все свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, без разрешения общего собрания, совершенно противозаконна.

Наконец собраны кое-какие сведения, из которых открылось, между прочим, следующее. Несмотря на *окончательную* смету, представленную общему собранию 17 июня и уверявшую, что постройка фабрики ростовской будет стоить 260000, — теперь явилась *еще более окончательная* смета, утверждавшая, что 260000 недостаточно, а надо 400000. Таким образом акционеры, недавно обнадеженные, что им еще и с 260 тысяч будет тысяч сорок сбавки, теперь рады были бы и без сбавки отделаться означенной суммой, да и то оказалось невозможным. Сметы не были доставлены из Таганрога и никем не просмотрены. Но главное правление, имея в виду неудовлетворительное

положение дел, решило ограничить ассигновку на фабрики 267-ю тысячами. В то же время открылось, что и постройка мельницы, вместо ассигнованных 330000, будет стоить 400000. Из сличения подробностей выходило, что на машины прибавлено затем, чтобы достать их лучшего качества, но что на случай ломки некоторых предметов куплены запасные экземпляры; а в числе этих запасных экземпляров была паровая

стосильная машина, ценою, со всеми принадлежностями и постройками для нее, в 100 тысяч руб. сер.! В смете оказалась такая тщательность, что в числе принадлежностей мельницы пропущены были — камни для жерновов!..

Вообще из представленных документов нельзя было определить даже общего количества произведенных расходов!.. Можно было видеть только одно: что дела ведены были чрезвычайно дурно и что положение общества — очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директора решились преобразовать систему администрации и вверить управление делами в Таганроге и Ростове одному главноуправляющему, под ведением главного правления. Вместе с тем признано необходимым: *изменить систему заготовления скота, уменьшить состав служащих, прекратить производство жалованья по 6000 р. в год гг. Байкову и Фон-Дезену, упразднить заграничные агентства, не приносящие никакой пользы обществу, закрыть мясные лавки, сдать хутор Шейкина, излишние степи, магазины для помещения пшеницы, продать приобретенную обществом от гг. Байкова и Фон-Дезена днепровскую местность, закупленную пшеницу, — так как все эти статьи, не давая доходов, требуют больших издержек и поглощают непроизводительно капиталы!..*

Тут-то г. Кокорев предложил отправить для поверки дел на месте *рекомендованных им гг. Левашова и Богданова*. Тут-то и начинается торжество нашей публицистики!.. Просим извинения у наших читателей, что так долг утруждали их сухим изложением истории общества: это было необходимо для яснейшего разумения следующих обстоятельств. До сих пор мы брали наши сведения почти слово в слово из статьи

г. Серно—Соловьевича; но, доведя историю до этой точки, мы оставляем его и с наслаждением обращаемся к № 15 «Русского вестника», в котором напечатаны письмо г. *Кокорева* и отчеты о результатах ревизии гг. *Левашова* и *Богданова*.

Печатая эти документы «с особенным удовольствием», «Русский вестник», по обычаю, сказал здесь и свое серьезное и дельное замечание о рассматриваемом предмете. С полным знанием дела и весьма глубокомысленно, начиная с благородной мысли о преимуществах вольного труда пред обязательным, развивает он положение, что «мысль, положенная в основание общества «Сельский хозяин», принадлежит к самым счастливым, и нельзя не пожелать ей успеха, но что *вопрос* состоит *только* в том, могут ли вообще акционерные общества братья за подобные предприятия». Этими словами «Русский вестник», можно сказать, *поднимает новый великий вопрос* в настоящее время, когда уже поднято столько вопросов. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тут же, в этом же номере «Русского вестника» он и разрешается документами, присланными к издателю «Вестника» от г. *Кокорева*, по замечанию редакции этого журнала, еще в мае месяце нынешнего года.

И какое блистательное разрешение! Г. *Кокорев* оказался здесь истинным

героем публицистики, а гг. *Левашов* и *Богданов* достойными г. *Кокорева*. После всех вышеприведенных обстоятельств, без сомнения хорошо знакомых г. *Кокореву*, он не затруднился высказать в глаза

акционерам всю горькую правду и посмеяться над ними так зло и справедливо, как едва ли кому случилось смеяться над самим г. *Кокоревым*. Мы видели выше, что общее собрание акционеров приносило главному правлению, т. е. г. *Байкову*, *благодарность за откровенное изложение дела*. Предавая посмеянию эту наивную благодарность, г. *Кокорев* весьма сильно дает чувствовать, что принесение ее акционерами доказывает только совершенное непонимание ими сущности акционерных предприятий.

«Иначе и быть не должно, говорит он, — в таких делах, где капитал собран от частных лиц, где доверители — целое общество, где действователи — люди, избранные обществом. Долг и честь обязывают давать доверителям откровенный отчет; в делах акционерных обществ тайна, неоглашение подробностей, прикрытие ошибок должны быть признаны за гражданские преступления».

Что вы скажете на это, о простодушные акционеры, благодарившие за откровенность? Каково г. *Кокорев* вас отделявает!

Но этого мало: мы видели, что в делах общества долгое время существовала, а по некоторым частям и теперь существует неразгаданная тайна вследствие совершенного хаоса отчетной части. Г. *Кокорев* знал это и не поколебался назвать такое ведение дел гражданским преступлением — не побоялся, следовательно, сказать акционерам, что они благодарили не только за отсутствие преступления, но и за самое преступление!

И этого недовольно: г. *Кокорев* прямо выставляет виною этого преступления самих же акционеров. Вольно же вам было не смотреть, говорит он, вольно сидеть сложа руки и доверяться чужому благородству: без надзора всякий будет в мутной воде рыбу ловить!.. Надо

самим заботиться о деле, да выбирать для ревизий знающих и усердных людей, «а не таких, которые, не понимая дела или не желая уделить ему часть своего времени и трудов, приезжают в правление компании только для обрядности, почти не смотря перелистывают книги и тотчас же пишут избитую фразу, что они находят отчет верным и правильным». Мы видели, что в обществе «Сельский хозяин» серьезных проверок никогда не бывало, все ограничивалось формальными отчетами, а в сущности все было передано на руки г. Байкову; мы видели, что и произошло из этого. И вот г. Кокорев продолжает свой урок: «эти ревизии, делаемые только для формы, вносят с собою в общество зародыш великого зла: они внушают управляющим делами общества и директорам мысль, что можно ворочать делами общества по своему произволу; а отсюда истекают все вредные последствия произвола». Стало быть, кто же виноват, ежели дела ваши идут плохо, акции падают, дивиденда нет, деньги тратятся бог знает как и бог знает куда? Разумеется, вы сами, о добродушные акционеры! Со стороны же людей дальновидных глупо было бы не воспользоваться произволом, который им дают!.. Основательно, истинно, глубоко рассуждение г. Кокорева!..

Но акционеры могли возразить, что они избирали в директора и в ревизоры лиц, которым доверяли и за которыми думали быть совершенно спокойными.

Г. Кокорев разрушает и это возражение, отважно говоря о том, каким образом производятся выборы в общих собраниях. Мы видели, как г. Байков выбран был

вторично в директоры после того, как его распоряжения оказались неудовлетворительными; мы видели, как он с г. *Фон-Дезеном* остался членом нового правления, которое должно было ревизовать его же прежние действия. Поэтому в приложении к акционерам «Сельского хозяина» сарказм г. *Кокорева* имеет особенно тяжелый смысл. У нас акционеры никогда ничего не говорят и ничего не знают в общих собраниях, говорит г. *Кокорев*, все делается под диктовку директоров. «При подаче голосов, при избрании ревизоров и директоров повторяются те же грустные сцены сомнения и нерешительности, продолжающиеся до тех пор, пока какие-нибудь господа, *по секретному поручению одного из директоров*, шепнут акционерам, что избирать следует такого-то...»

В этом обличении виден весь г. *Кокорев*! Только он может простирать любовь к гласности до того, чтобы, будучи откупщиком, обличать откупа, будучи акционером-учредителем общества, так энергически обличать акционеров в нерадении и незнании дела! Письмо его останется навсегда знаменательным свидетельством величия настоящего времени, и в позднейшие века истинный патриот прочтет его не без сладкого трепета сердечного!..

Но еще более отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные последователи. Записки гг. *Левашова* и *Богданова* написаны так хорошо, так успокоительно, что при них невольно «расходятся морщины на челе»³⁶, произведенные сарказмами г. *Кокорева*. Мы видели выше, как печально было положение дел, вследствие которого гг. *Левашов* и *Богданов* посланы на ревизию. Но какие утешительные явления открыли они, это уму непостижимо! Г. *Левашов* прямо и начинает с того: «Место, говорит, — очень удобное, воздух чистый;

плодовитый сад, кроме удовольствия и выгоды живущих, представляет необходимую в здешних местах защиту от летнего зноя», и пр. («Рус. вестн.», № 15, стр. 243). Затем продолжает все в том же идиллическом роде: «Строитель мельницы, г. Штетцер, весьма сведующий, по-видимому, молодой человек; он очень дорожит своей репутацией и усердно занимается». «Возведенные прошлым летом постройки сделаны весьма хорошо». «В теперешнем своем объеме фабрика действует весьма удовлетворительно»... Консервы все очень хороши»... Вообще «до сих пор дело велось недурно и получило уже прочное основание, а в будущем обещает хорошую прибыль акционерам и пользу для государства от развития здешнего края». Записка г. Богданова совершенно вторит записке г. Левашова, и обе составляют какую-то колыбельную песню «Сельскому хозяину». Они его баюкают, а вперед обещают:

«Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин!»³⁷ и проч.

И при этом нужно заметить, что они с невозмутимейшим спокойствием указывают на тысячи и десятки тысяч, растраченных понапрасну, да еще, видимо, стараются прельстить акционеров тем, что вот уже вперед этих трат не будет... Зато будут другие — гораздо лучше: напр., в обширном саду при фабрике «очень легко будет разводить *резеду* и другие цветы, так хорошо растущие в здешнем теплом климате, на этой богатой почве», и проч.

Как, однако же, пишет г. *Левашов*! Как пишет! Я думаю, из современных литераторов только князь Кугушев может теперь так писать!..³⁸

Но акции, как известно, глупы: несмотря на все красноречие учредителей, директоров и ревизоров, они себе падают да падают в курсе! В то самое время, как напечатано было в «Русском вестнике» письмо г. *Кокорева*, с записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акции общества, оплаченные уже 75 рублями, продавались за 25 рублей! В делах общества происходили такие явления: в Таганрог был назначен главноуправляющим г. инженер-полковник Риппас, с жалованьем 10 000 р. с. в год. Приехавши туда, чтобы принять фабрики, постройки и все дела от гг. *Байкова* и *Фон-Дезена*, он встретил сильные неприятности, в особенности со стороны г. *Кинга*, который даже наотрез отказался сноситься через него с главным правлением. Вследствие таких отношений г. *Риппас* отказался от своего места, и управление осталось по-прежнему за г. *Кингом*, до такой степени, что главное правление само оказалось совершенно в зависимости от его распоряжений. Наконец послан в Таганрог г. *Золотарев* с решительным предписанием главного правления — уволить г. *Кинга*. Вместе с тем послан на ревизию г. *Пахомов*, который обнаружил крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнание дела г. *Штетцером*.

В это-то время один из акционеров, г. *Ахшарумов*, напечатал в «Спб. вед.» (№ 211) статейку, в которой рассказывает вкратце все, что мы видели выше, весьма умеренным тоном, и между прочим упоминает вскользь некоторые обстоятельства, касающиеся лично г. *Байкова*. Так, он говорит о ссуде, данной г. *Байкову* под залог его неоплаченных акций, и о том, что он скупал

акции на бирже для возвышения номинальной цены их. Это было, по розысканиям г. Серно–Соловьевича, таким образом: г. *Байков* поручил г. *Фон–Дервизу* скупать на бирже акции общества, продаваемые ниже пари; таким образом, г. Дервизом скуплено 201 акция, из них 14 продано, остальные не оплачены вторым взносом. Между тем расходы на них отнесены, по распоряжению г. *Байкова*, на счет общества. Г. *Дервиз* спрашивал, не публиковать ли их в числе просроченных, но г. *Байков* велел переслать их в Таганрог, чтобы заменить ими проданные акции Шолле... Кроме этого факта есть и другой, о котором г. Ахшарумов не говорит: г. *Байков* перед отъездом из Таганрога в Петербург в декабре 1858 г. взял из кассы 15000 р. с. для покупки серий; между тем уже в январе 1859 г. оказался недостаток в деньгах на местные потребности; а какой был результат операции г. *Байкова* — неизвестно. Обо всем этом, равно как и о беспорядках в книгах, сделаны были запросы членам таганрогского правления и г. *Байкову*; но это не привело ни к чему: г. *Байков* не представил нужных объяснений.

Но с каким достоинством и спокойствием объясняется зато г. *Байков* в печати с своими антагонистами! Как он взывает к гласности, как усердно просит акционеров вникнуть в дело! Как он уверен в себе и в том, что общее собрание оправдает его! Прочтите его ответ г. Ахшарумову в 218 № «СПб. ведомостей»:

«В № 211–м «Санктпетербургских ведомостей», 30 сентября, акционер общества «Сельский хозяин» Иван Ахшарумов поместил некоторые замечания свои, извлеченные из переписки и журналов главного правления.

Так как господину Ахшарумову (являющемуся в своей статейке обвинителем местных распорядителей в Таганроге и Ростове и прежнего правления) угодно было назвать меня, то это дает мне право сказать несколько слов в ответ.

Я не стану говорить о действиях местных распорядителей; *эти действия были оценены на месте ревизорами, посланными от общества, и разными акционерами, посетившими заведения наши; отзывы их единогласны, и, вероятно, гг. акционеры в собрании 15 октября поинтересуются узнать их...* Поверят многие, другие не поверят: это дело убеждения каждого и доверия его к лицам говорящим. Если в чем местные деятели будут обвиняемы, *они ответят сами за себя, и должны ответить, потому что за неисполнение распоряжений правления и действия, противные интересам общества, они все могут быть уволены, без всякой ответственности для общества. Этого пункта в контрактах их г. Ахшарумов, вероятно, не заметил.*

Что же касается до сделанных мне правлением вопросов, то я на них *большую частью уже отвечал, а те сведения, которые к 30 сентября не были при делах правления, мною представлены гг. почетным членам, ибо они, а не новое правление, которого я сам избран гг. акционерами в январе сего года вновь директором (!) — имеют право судить о правильности или неправильности своих действий.*

Не стану отвечать на те сообщения г. Ахшарумова, которые имеют целию набросить на меня какие-то подозрения. Управляя совершенно новым предприятием, я мог делать ошибки и считал *непременным долгом высказать их в отчете моем совершенно откровенно гг. акционерам; но что действия*

мои были всегда чисты и безукоризненны, в том уверится всякий, кто ближе и внимательнее рассмотрит все дело. Оставив службу и все прочие занятия для того, чтобы посвятить себя делам «Сельского хозяина», в котором я и семья моя имеем 1200 акций, прямой расчет заставлял меня действовать добросовестно; мои интересы тесно связаны с интересами общества, и от упадка доверия к делу в Санктпетербурге я теряю, может быть, более, чем г. Ахшарумов.

Позволяю себе сделать еще одно замечание: высказывая печатно такие обвинения, как, например, в п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень осторожным, потому что *они оставляют на авторе большую нравственную ответственность*. Понимая, от кого и с какою целью оглашается такое обвинение, я оставляю его без внимания. Может быть и, вероятно, сам г. Ахшарумов слышал что-то такое об акциях, да не так. Позвольте объясниться. В октябре 1858 года выдана мне была ссуда из кассы общества, под залог моих акций, с ведома всех директоров — записана по всем книгам и возвращена мною с процентами, по расчету 6% в год. Посмотрите в книги и вы убедитесь, что во время производства ссуды было в кассе до 130 000 руб. совершенно свободных денег, и никаких финансовых затруднений она не причинила. Правление каждого общества обязано заботиться о том, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многих обществах производят ссуды не только под залог собственных акций, но даже под акции других обществ.

Что же касается отчета г. *Левашова*, то он сам говорит за себя; кто его читал, тот отдает ему полную справедливость. Шутки в серьезном деле неуместны,

и выдержка г. Ахшарумова о резеде не уронит достоинства подробного и добросовестного труда г. *Левашова*.

В заключение и я вместе с г. Ахшарумовым *прошу гг. акционеров вникнуть перед общим собранием в дело; не только взглянуть на переписку, лежащую в конторе, но серьезно ею заняться, чтобы присутствовать в собрании не с односторонними убеждениями, а с полным знанием дела и, не увлекаясь слухами, разными толками и оставя в стороне личности, общими силами и общим разумением дать делу верное, твердое и надлежащее направление и устройство*».

На чем основана такая самоуверенность г. Байкова?

Конечно — на спокойствии совести!

Это доказали последствия: через день после напечатания ответа г. Байкова в «СПб. вед.» объявлено, что общее собрание акционеров, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимению полных и подробных отчетов из Таганрога. К тому времени ожидается сюда и г. *Кинг* (которого г. *Золотареву* поручено было уволить). При сем двое из директоров — *Якобсон* и *Трубников* — сложили с себя свое звание; оставшиеся — *Байков*, *Фон-Дезен* и *Золотарев* — возвратились недавно в Петербург и приготавливают отчеты. Это объявление показалось почему-то подозрительным некоторым акционерам — между прочими г. *Серно-Соловьевичу*; он навел справки и опубликовал вот что в статейке под названием: «Настоящая причина перенесения общего собрания акционеров «Сельского хозяина» с 15 на 30 октября («СПб. вед.», № 223).

«Желая узнать, в чем дело, мы отправились в правление и прочли там два журнала 7 октября, вполне

объясняющие настоящую причину перенесения собрания с 15–го на 30–е октября.

1) В заседании 3–х директоров, гг. *Золотарева, Байкова* и *Фон–Дезена*, обсуждали, следует ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися в губерниях, но не представившими (как это требуется уставом) своих акций в правление? По разногласию (г. *Фон–Дезен* полагал, что не следует) положено предоставить разрешение этого почетным членам.

2) В заседании почетных членов и директоров обсуживали вопрос: следует ли выдать квитанции на право голоса по 1120 акциям, доставленным вчера и сегодня от г. *Кокорева*, при объявлениях о переводе их на имя 12 разных лиц? Положили: «На основании § 32 устава общества, акционеры, желающие присутствовать в общем собрании с правом голоса, должны внести свои акции не позже 10 дней до общего собрания. Если и можно оказать в этом отношении какое–либо снисхождение в пользу акционеров, о которых, по имеющимся в конторе сведениям, известно, что они давно уже владеют своими акциями, и предоставить им право голоса, хотя бы они внесли акции и позже, чем за десять дней, то ни в каком случае нельзя допустить подобного снисхождения в пользу тех, которые теперь только приобретают акции, тем более, что директоры и почетные члены признали уже справедливым и необходимым испросить у правительства разрешение, чтобы на будущее время и в нашем обществе, по примеру прочих компаний, акционеры приобретали

право голоса в общем собрании не прежде, как по происшествии 3-х месяцев со дня отметки в правлении о переводе акций на их имя».

Теперь становится ясно, для чего *необходимо* было перенести собрание с 15 на 30: г. *Кокорев* успеет перевести свои акции на имя других лиц, а г. *Байков* получит их от доверителей — таким образом один из них будет располагать 39 голосами*, а другой 15-ю. Присоединяя к этому количеству разных родных и приятелей, легко может быть, что *гг. Кокорев и Байков* будут иметь за собой большинство голосов (особенно если многие из акционеров не придут в собрание) и решат дела по своему усмотрению.

Побуждения г. *Байкова* весьма понятны: им, очевидно, руководит чувство самосохранения; ведь ему (как юристу) очень хорошо известно, какая участь ожидает его, если общее собрание составится правильно.

Но чего домогается г. *Кокорев*? Владея большим количеством акций, он, по-видимому, должен был бы заботиться о спасении падающего дела, а между тем он поддерживает прежнюю систему управления, видимо ведущую нас к ликвидации! Из этого прямой вывод, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидация общества представляет большие выгоды, чем дальнейшее существование предприятия. А между тем по бывшим примерам известно, что на долю акционеров при ликвидации не приходится почти ничего!

Но что же затем делать прочим акционерам? Чем защищаться против таких действий? Как предотвратить предстоящее конечное разорение?

По недостатку времени физически невозможно протестовать с успехом против последнего распоряжения

* Расчет этот может быть далеко не верен: г. *Кокорев* пока представил к переводу только 1120 акций, а у него их до 4000.

правления и настоять, чтобы общее собрание было 15-го октября.

Затем остается одно средство: на основании нового устава общества, который сегодня обнародован, право голоса в общем собрании предоставляется только лицам, владеющим акциями не менее 3-х месяцев; правило это следует применить к предстоящему общему собранию, с тем притом, чтобы подача голосов была *открытая*.

Во всяком случае будем надеяться, что в этот раз акционеры будут энергически противодействовать стремлениям лиц, обязанных заботиться о их благосостоянии, но вместо того с изумительной настойчивостью идущих против их прямых интересов».

Не правда ли, что спокойствие и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотой совести? Не правда ли, что и письмо г. *Кокорева* с сарказмами над апатией акционеров приобретает еще большее достоинство после объяснений г. *Серно-Соловьевича*? И не правы ли были мы, сказавши, что история литературы должна сохранить на своих скрижалях статьи гг. *Кокорева, Левашова, Богданова и Байкова* как блистательные опыты русской гласности!..

Да, невольно воскликнешь: вот эти люди умеют у нас пользоваться гласностью!..